

ББК 84(2p)6-5

УДК 882

Л72

Лойша В. А.

Л72 Poezią wyborowa / Избранные стихотворения. -
Томск: ИД СК-С, 2019. – 240 с.: ил.

ISBN 978-5-904255-33-6

Виктор Лойша не был бы самим собой, если бы итоговой книжке избранной своей лирики не дал очень весёлое, живое и провокационное название. «Настоящие буквы (речь, конечно же, о стихах) – определённо напоминают водку! – говорил он. – Попробуешь раз, ни с чем не спутаешь». И готовый уже сборник тут же получил имя (известного во времена молодости автора) бренда польской водки: мол, угощайтесь, дорогие читатели, всё без обмана – отборный продукт.

Человек, сочинивший POEZIĄ WYBOROWA, мгновенно понимал самую суть любого творческого дела, он очень хорошо чувствовал, что именно «поэзия – это лучшие слова в лучшем порядке». Он относился к стихам благоговеино, знал их превеликое множество. Именно от спичек лирических стихотворений во все писательско-журналистские его труды и попал этот удивительный стилистический огонь, всегда отличавший тексты Виктора Лойши безукоризненным чувством формы, отсутствием необязательных слов, мыслей и эмоций, сочетающий точность высказывания с абсолютной уместностью тонких речевых средств и гигантским словарём энциклопедиста-инженера.

Дизайн обложки – *Елизавета Козловская*

Фото на обложке – *Виктор Лойша*

© Лойша В. А., 2019

© Суханов В. А., послесловие, 2019

© ИД СК-С, 2019

Будто написано мною

Должен признаться, что я испытал очень странное ощущение. Будто всё это (или почти всё) написано мною, только не помню когда. Моя любовь к этому бесконечно многообразному миру – и моя же ирония к такой любви, а, следовательно, и к самому себе.

Разумеется, ничего общего в манере письма нет, да и не может быть. Разнится и тематика. Но вот направление взгляда, его ракурс, угол зрения (а то и поле зрения) – всё это мне странным образом близко.

Равно как и тематическая широта, да и сами темы. Вот разве что Сибири у меня совсем нет, но и это лишь случайность, потому что сама Сибирь меня всю жизнь влекла и завораживала, и только idiotскими стечениями обстоятельств можно объяснить моё незнание этой восхитительной страны.

Вы профессионал, потому говорить о форме стиха не приходится. Что касается, так сказать, содержания... из разных разделов книги я выдернул ровно 9 (девять) стихотворений, представляющихся мне инородными в общем контексте. Нетрудно заметить, что вместе они составляют как бы отдельный цикл – и это ещё одна тематическая грань Вашего творчества. Можно было бы озаглавить

«Идея Бога это есть...»	194
Nevermore	195
«Я в потёмках живу не спеша...»	197
Призрак глобального потепления	198
Ещё одна элегия	200
«Я многое чего не знаю в этом мире...»	201
«Уход за больным предвещает уход...»	202
NN, угасающая звезда	203
Тактические тонкости	204
Сакральное	205
Викинги XXI века	206
Мотивы Мраморного моря	208
Баллада бродяги	212

Вячеслав Суханов

Поэтический мир Виктора Лойши	214
-------------------------------------	-----

Поэтический мир Виктора Лойши

Виктор Лойша – автор нескольких поэтических и многих прозаических книг, в состав «Избранного», составленного самим автором, вошли только те стихотворения, которые он счёл принципиально важными для понимания своего творчества, поэтому сборник – своеобразный поэтический итог, что дает основание рассматривать его как единый текст, представляющий весь поэтический мир В. Лойши.

Концептуально в нем соединяются две константы, два вектора ушедшего XX и начала XXI веков, современного мира: дом и путь-дорога, предстающие и в своем реальном предметно-вещном и социально-историческом измерении, и в символическом – как место и время, борьба между которыми и создает то ценностное напряжение, которым интересна его поэзия.

Путь-дорога в стихотворениях Лойши изначально связана с геологией как профессией. Виктор Лойша окончил геолого-географический факультет Томского государственного университета. Выбор профессии геолога в общественной ситуации конца 1960 – начала 1970-х годов выступал, с одной сто-

роны, проявлением особого свободного самоощущения, своеобразной формой нонконформизма, достаточно вспомнить «геологический период» в жизни И. Бродского. Геологоразведка, экспедиции и длительное нахождение в полевых условиях давали возможность увидеть реальное положение дел без «прикрас» официальной идеологии, что формировало внутреннюю оппозиционность и по отношению к официальным социальным институтам, и по отношению к официальной культуре.

С другой стороны, выбор такой профессии был связан с поиском настоящих ценностей, о которых пели барды «Магнитофониздата», поэтизирующие свободу странствий и работу геолога в 1960 – 1970-е годы: А. Городницкий («О доме не горюй, о женщинах не плачь», «Мои палаточные города...»), Ю. Визбор («Люди идут по свету», «Дороги трудны, но хуже без дорог...»), Ю. Кукин («А я еду за туманом», «Говоришь, чтоб остался я ...»), А. Галич («Я выбираю Свободу»). Её же утверждали и романтизированные тексты официально разрешенных авторов.

Жизнь геолога как официально одобряемая свобода перемещения в стране, где человек был «закреплен» за местом, формировала определенный тип сознания, специфический образ мира и

образ жизни, проявляющийся и в субкультуре этого социального слоя. Вынужденное долгое пребывание в маленьком коллективе геологоразведочной партии, экстремальные условия существования, в которых функциональное, ролевое в отношениях становилось несущественным, уступая место собственно человеческим качествам, формировали кругозор и собственный ценностный мир с максимализмом этических оценок.

В поэтическом мире В. Лойши лирический герой дает прямые оценки и самому себе, и тем или иным событиям и явлениям, поэтому он способен к иронии и самоиронии, мир советской эпохи изображается и в своем идеологическом (у Лойши – в профанном), и своем подлинном, человеческом измерении, основанном на свободе говорения и доверии другому:

Эти иглы – ещё не предвестье зимы,
просто лето сегодня – не с нами,
и в брезентовых юртах кочевники мы
согреваемся пред очагами

в разговорах за ужином – да, при свечах! –
про немыслимо дальние страны.

(«Комары улетели, должно быть, на юг...»)

Свободный от официоза своего времени и причастный к естественному ходу жизни в природе как первоначальной среде обитания герой В. Лойши выстраивает свою иерархию жизненных ценностей, в ней мерилом выступает онтология, задающая подлинный масштаб происходящего и предстающая в стихах образами неба, тундры, пустынь, гор, рек, символизирующих свободу человеческого духа как основу жизни и творчества:

...и вот тогда строка
рождается,
которая не тает,
которая – на годы и века.

...Рассвет. Звезда одна мерцает,
и тихо возникают облака.

(«Поэзия, великая причуда...»)

На берегах таёжных вод
у молчаливых пчеловодов
я понимаю: это вот
и есть слияние с природой,

и жизнь по-прежнему светла,
покуда трудится пчела.

(«Тепло и страстно пахнет мёд...»)

Жизнь природы, ее особые ритмы становятся для геолога, героя пути, источником обретения успокоения и творчества.

Беру ружьё и полный патронташ
смертей звериных в медной оболочке,
и хрупкий и отточенный до точки
блестящий шестигранный карандаш.

Средь белой ночи
в зарослях ольхи
петляю еле видимой тропею.
Поются сами белые стихи,
и птицы соответствуют стопею.

Но пальцы не дотронутся курка,
и от испуга тундра не качнётся.
Замедлится движение стиха,
и карандаш бумаги не коснётся:

пред этим миром, где не нужно слов,
я опущусь смиренно на колени,
я к каждой твари маленькой готов
проникнуться безмерным умиленьем..

(Живи и пой!)

Пережитое чувство свободы рождает необходимость поиска собственной идентичности, своего «Я», требует ответа на вопросы о смысле как индивидуального, так и общечеловеческого существования: «Некто, вышедший из дома, / и опознанный как я» нуждается в ценностной и смысловой определенности. Пытаясь обрести собственную идентичность, понять, кто я есть, герой в поэтическом мире В. Лойши именуется по-разному: кочевник, путник, странник, бродяга. Эти роли так или иначе связаны с бездомностью как инвариантным состоянием, поэтому в поэтическом мире В. Лойши нет дома ни в его предметно-изобразительном варианте, ни в символическом как центра мира, храма, упорядоченного микрокосма.

Дом как временное пристанище оставляется ради новых открытий: «Прощай, нелепое жильё! / Откройся, новый мир!». Движение оказывается единственной формой существования, пребывать в движении – это и значит жить. Победа кочевого над оседлым понимается как победа судьбы над волей человека, как рок, в чем-то родственной пориомании как инстинкту бродяжничества или вагабондажу как непреодолимому стремлению к скитанию, но не превращает его в номаду как тип личности.

И всем нам хочется, бурля
быть и нежнее, и теплей.
Сухие орошать поля
и хлеб иметь от тех полей.
И пить домашнее вино.
Но нам такого – не дано.

Так назначено судьбой:
путь далёк у нас с тобой.

Некомфортные составы
нас зовут наперебой.

Здравствуй, ветер! Здравствуй, ночь!
Тыща вёрст – и сутки прочь.

(Телевизионный концерт на БАМе)

И беспечная гордость бродяжества
нас хранит от житейских обид.
И беда ни за что не привяжется
к тем, кто всеми давно позабыт.

(На привале)

Бродяжничество героя В. Лойши особого свойства: он объединяет себя с социальной группой

(«нас»), а форму существования («бродяжество») связывает с защитой от несправедливости социума, рождающего в ущемленном, т.е. зависимом человеке, обиды. В бродяжничестве центром мира является сам субъект, и свобода, рождаемая бродяжничеством, – независимость от внешних социальных обстоятельств, – необходимое условие для сохранения независимости своей личности. «Бродяжество» пишущего героя в чем-то роднит его со средневековыми вагантами как в оппозиционности власти, так и в сочинительстве как форме духовного самоосуществления, оно оппонирует твердому социальному порядку, по своей сути оппозиционно власти, но, находясь на периферии в силу своей асоциальности, все же принадлежит социальному.

У меня ж за душой – ни шиша:
шмат свинины, табак да фляжка.
Вот такая, представьте, душа,
щеголяющая нараспашку.

Не горжусь, но отнюдь не стыжусь.
Образ жизни влез в котомке.
Для кого-то – весёлая жуть.
Для кого-то – сплошные потёмки...

(«Я в потёмках живу не спеша...»)

Взгляд со стороны (кто-то) в поэтическом мире В. Лойши необходим, потому что он «схватывает» внешнюю «профанную» сторону существования героя, в которой обозрению доступна только социальная сторона: бродяга. Но бродяжничество оппонирует не только власти, но и архаической оседлости как таковой. В бродяжничестве героя В. Лойши просвечивает другое, тайное – странничество как поиск духовного.

Именно странничество духа позволяет герою Лойши в собственной бездомности открыть историческую бездомность русского человека во времени. Дом оказывается беззащитным под ударами истории и социума, невозможно сохранить его пространственную, а с ним и очеловеченную цельность, потому что сама эпоха превращает тебя в гонимое существо без дома: «слёзы, выцветшие втуне, / вдоль невидимой черты / от Дуная до Катуня, / от Заволжья до Читы, / от Мурмана до Охотска / и ещё куда-нибудь... / Потаённые погосты / отмечают этот путь». («Енисей. Скиты»)

Так возникает ощущение причастности к главным событиям своей эпохи, к историческим драмам своего народа: «И всеобщее небо всегда откликается болью, / и саднит на душе неродная / родная страна». Мотив «неродной родины» свя-

зан с мотивом социального как неволи, с пониманием социальной жизни как абсурдно организованной в своем отношении к человеку и поэтому неспособной дать ощущение родственности мира, его «пригодности» для развертывания собственно человеческого:

Убежать бы куда...
Да вот только
вовсе некуда. Кто тебя ждёт?

(Родина моя)

В стихотворения входит история, другие географические и национальные пространства.

Он бродит домом, зол и светел,
глазами страшными косит:
болит, болит за всё на свете,
за все деревни на Руси,

деревни, брошенные богом
среди заснеженных полей
такой великой и убогой
несчастной родины моей.

(Письмоносец. 1941)

Великое разнообразие мира притягательно для того сознания, которое создает стихи в поэтическом мире В. Лойши, где многое причудливо сочетается. Поэзия Лойши разнообразна по цвету, свету, деталям, далям, эпохам и настроению, автор откликается на все сколь-нибудь значимые события своего великого и трагичного времени: от Пиночета и атомной бомбы до староверов в скитах и сельских мужиков из заброшенной деревни, от песков Азии до снегов Северного полюса, от античных трагиков до «нелепого Газманова».

В странничестве героя Лойши просвечивает одна из важнейших архетипических черт русской культуры – поиск истины (святости, смысла жизни, правды и т.д.) как определенности в огромном мире, где таковая отсутствует. Его странник – взывает истины в этом мире. Не обнаруживая ее в историческом и социальном, он обращается к культуре и современной, и классической. Современная культура открывается им в рефлексии: официальная и массовая – отвергаются, освобождающая правда обнаруживается в неофициальной, там, где «слепые тексты самиздата» несут «свободы воздух золотой». Классическая культура античных авторов помогает обнаружить алгоритм повторяемости как основу существования:

...На неухоженном вокзале
сiju, и думаю навзрыд
про всё, что мне порассказали
Эсхил, Софокл и Еврипид.

(Тыловая трагедия. XIII в. до н.э.)

У внуков тоже будут дети,
и всё на свете повторится.
И потому на белом свете
всевечны вещущие птицы.

(«Кукушка, предок метронома...»)

Повторяемость требует остановки, смены жизни «в ожиданье поездов», в поэтическом мире возникает и заставляет героя заново самоопределяться по отношению к собственному существованию ситуация одиночества:

Надоело вращение в обществе.
Посижу, погрущу, поворчу:
я ведь впрямь ничего не хочу.

Ничего не ищу и не требую.
Утешаюсь языческой требою:
«Письма с Понта»; Овидий Назон
навевает томительный сон.

Я отрезан в гостиничном номере.
Постояльцы как будто бы померли.
Нет интрижек, и пуст ресторан.
Даже не с кем принять по сто грамм.

Ничего. Мне тепло в одиночестве.

(Мой Кавказ)

Так странничество в поэтическом мире В. Лойши обретает бытийное измерение. Странничество как традиция, как мировоззренческая установка, особое эмоциональное и психологическое состояние человеческого духа составляет внутреннюю жизнь героя-бродяги. Продиктовано ли это профессиональным геологическим образованием автора, эпохой оттепели с ее пафосом открытия мира и доверия ему, знакомством с богатствами человеческой культуры – не столь уж важно. Странничество, как известно, не имеет цели в реальном мире, оно «предисторично» (И.П. Смирнов) и в этой своей предисторичности не знает истории, имеет дело с вечностью, где нет исторического времени:

Дархатские языческие боги
меня сопровождают в тишине

и вечности великой на пороге
беспечность обеспечивают мне.

(«Зелёные снега Мунку-Сардыка...»)

Открытие огромности мира рождает вопрос о его познаваемости, обнаруживая малые возможности человека в постижении бытия.

Я не знаю, зачем оно
прорастает среди камней:
драгоценнейшее зерно,
и аттические камни?

Для чего здесь луна висит
опрокинута и упряма?
Для кого тархтит фарси
еретического Хайяма?

(Таджикистан. 1421 год Хиджры)

Мир «не разгаданный даже по сути, / как ни старайся, куда ни иди» предстает пространством, в котором человек ощущает свою тотальную потерянность, но несмотря на это жизнь перед лицом вечности и острое переживание бренности существования и помогает герою в поэти-

ческом мире В. Лойши принять бытие во всей его полноте как дом, где ты – только гость, и пребывание в котором случайно, на время:

Я в этом мире – вечный гость,
случайный человек,
пока всевышний диагност
не обозначит мне погост –
пристанище навек.

(Баллада бродяги)

Это ощущение родственно есенинскому: «Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник – / Пройдет, зайдет и вновь покинет дом». Но это определяет и «коперниковский» поворот: так прежде невозможная «одомашненная» форма жизни («О вскрытии великих рек...») уступает место новому отдельному сюжету в жизни лирического героя – открытию родственности малого жизненного пространства как пространства удостоверяющего, что ты есть:

Я в город выйду спозаранку
и вдруг пойму, как мне близки
звонков трамвайных перебранки,
прохожих первые шаги.

(«Я в город выйду спозаранку...»)

И если надо жить, то как-нибудь попроще –
без всяческих затей,
без всяческих затей.

(«Я многое чего не знаю в этом мире...»)

Вот улица, вдоль по которой
одышлив, как злое дитя,
трамвай поднимается в гору,
натужно скрипя и свистя.

Вот город, упругий и звонкий
как дивное эхо без слов,
как утренняя позёмка,
журчащая вдоль берегов.

Страна, где вмещается город,
знакома мне вдоль – поперёк:
вся жизнь пронеслась в коридорах
её магистральных дорог.

Вот ясная эта планета,
которая мчится во тьме
космического сюжета,
случайно знакомого мне.

А дети, последыши улиц,
стоят на соседнем пути...

Они ещё только проснулись.

У них – ещё всё впереди.

Прежняя бродяжническая жизнь превращается в «призрак жизни бешабашной», иногда возвращающейся к герою («Демографическая элегия»). Но принимая этот мир в его вечном круговращенье, герой в поэтическом мире В. Лойши оставляет за собой право сохранить ироническое отстранение как защиту так и не растроченной в потоке жизни самооценности:

Обув на босу ногу резиновые чуни,
кочую в росных травах, как несуразный шмель.

И вот что мне открылось: чего ни захочу я,
доступно, словно счастье за тридевять земель.

Умерив несусветно нескромные желанья,
сторожко и неспешно, но двигаюсь вперёд.

Мы всё-таки воскреснем в каком-нибудь нисане,
когда придёт черёд...

Когда придёт черёд?

(Буколики)

Поэзия В. Лойши разнообразна по жанровому составу: лирические стихотворения, баллады, буколические элегии, песни для спектаклей, ролевая лирика. Это поэзия рассказчика, знакомящего нас и со своей историей и внутренней географией, и с историей своей страны и ее обширными пространствами. Отсюда – эпическое начало, прозаические интонации, соединение стихов и прозы. Лирические сюжеты превращаются в истории посещений, путешествий, воспоминаний. Вместе с героем его поэзии можно пройти разные времена, географические и культурные пространства, пережить разные внутренние состояния – от одиночества до причастности к всеобщей судьбе своего века и человечества, сохраняя то главное, что делает его поэзию интересной – напряженную личную заинтересованность в происходящих событиях разных эпох и чувство внутренней свободы автора, творящего свой поэтический мир.

Вячеслав Суханов,

доктор филологических наук,
профессор Томского государственного
университета